

P.O. gram. 2097 ^c
/ 3

<36612418100012

<36612418100012

Bayer. Staatsbibliothek

ТЕРПИМОСТЬ

И

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ,

ИЗОБРАЖЕННЫЯ

ВЪ ТРОГАТЕЛЬНЫХЪ

ПОВѢСТЯХЪ.

Сочиненія Г. Эккартсгаузена.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.
32

Р.О. germ. 2097 с-3

Съ одобренія Универси-
тетской Ценсурь.

8

20/ 91/ 1960

О Г Л А В Л Е Н І Е

Третьей Части.

Стран.

VII.	Изогинъ и Тира.	3
VIII.	Марія Евреянка.	71

Четвертой Части.

IX.	Изисъ и Тира.	-	3
X.	Алфредъ, Анаксисъ		
	и Филареша.	-	51
XI.	Добрый Христіанъ.		71
XII.	Ремесленникъ Иванъ		
	и ремесленникъ		
	Фрицъ.	-	124

nn
uu

nn
uu

**Bayerische
Landbibliothek
München**

nn

nn

VII.

ИЗОГИНЪ и ЦЕЛІЯ.

Повѣсть объ одномъ изъ
черныхъ нашихъ собра-
тій, объ одномъ Маерѣ.

Не знаю, правда ли это, что
мы Европейцы народы об-
разованные; я сомнѣваюсь въ
этомъ болѣе и болѣе. Имя вар-
вары, коимъ привыкли назы-
вать мы другіе народы, ка-
жется для меня столь стран-
нымъ, что часто прихожу я
въ великое недоумѣніе, отъ че-
го мы такъ ошибаемся. Не мы
ли, можетъ быть, болѣе за-

Часть III. А 2

служиваемъ названіе варвара ,
нежели какой нибудь дикой ,
который хопя не имѣетъ ни-
какихъ положительныхъ зако-
новъ , однакожъ оспается вѣ-
ренъ законамъ Природы ?

Когда думаю о себѣ самомъ ,
что сдѣлали изъ меня Государ-
ство и воспитаніе , то нахожу
вещь весьма удивительную —
такое твореніе , которое съ
самаго младенчества чрезъ раз-
личныя усилія отдали отъ
Природы ; которому сообщили
разныя познанія , ни мало для
него неполезныя , и которому
открыли такія системы , ко-
ихъ нѣтъ въ Натурѣ , и вну-
шили такія мнѣнія , кои , при
изслѣдованіи , оказались лож-
ными.

Когда съ самыхъ младыхъ
ногтей испортили наше сердце
множествомъ странныхъ мнѣ-

ній, то въ мужескомъ возрастѣ, при всѣхъ усиліяхъ разсудка, не можемъ мы уже забыть того, чему учили насъ въ юности.

Сколь было бы благородно жить между людьми образованными, если бы то, что называется образованіемъ, имѣло у многихъ свою цѣну; но лукавство и полишка изгнали общественныя добродѣтели, и между людьми, которые спрессованы къ своей гибели, поселили варварство и пошайство о жестокость. Право сильнѣйшаго господствуетъ между варварами; право остроумнѣйшаго, хитрѣйшаго — между образованными.

Тамъ человекъ, когда онъ кого преслѣдуетъ, обезображиваетъ видъ свой; гнѣвъ въ устахъ его, гнѣвъ и въ рукѣ,

вооруженной явно. Здѣсь —
 притворство во взорахъ; улы-
 бающся и уязвляющъ, плачущъ
 и изшоргающъ жизнь, состра-
 дающъ и вмѣстѣ грабящъ. По-
 руганная Природа! возврати че-
 ловѣчеству права его! На то
 ли дала ты слезы человѣческо-
 му оку, чшобы обманывать?
 для того ли являешь на устахъ
 пріятную улыбку, чшобы вѣр-
 нѣе вредить? ласкашельный
 видъ и крошкіе взоры, чшобы
 лишишь жизни?

Да изтребится съ лица че-
 ловѣческаго ужаснѣйшее при-
 творство! да царствуетъ на
 челахъ нашихъ нелицемѣрная
 Природа, и да не унизимся сво-
 ею ушонченностію передъ гру-
 быми дѣтьми Природы, кои бы-
 вающъ столь благородны, столь
 невинны, каковъ былъ Изогинъ!

Изогинъ, молодой Мавръ, коему Природа даровала чувствительность и благородное сердце, произошелъ на свѣтъ въ одной дикой странѣ Африки. Рожденіе Изогина причинило смерть его матери: Бальма лишилась жизни, даровавъ сей залогъ любви своему другу Жакеру.

Жакеръ былъ отецъ Изогина, такой человекъ, котораго всѣ любили, ибо онъ былъ храбръ. Во всей странѣ никто не превосходилъ его въ бѣганіи, и никто не стрѣлялъ изъ лука такъ мѣтко, какъ онъ; при томъ Жакеръ имѣлъ также и благородное сердце. Когда на берегу морскомъ находилъ онъ какой нибудь рѣдкой камень, или прекрасную раковину, то приносилъ ихъ или къ друзьямъ своимъ, или, вмѣсто жер-

швы, клалъ на олшаръ Боже-
ства, коему онъ покланялся.

Жакеръ любилъ Бальму,
одну Маврскую дѣвушку, ко-
торая была его достойна. Око-
ло года наслаждались они не-
винными ушѣхами Природы. Въ
мирномъ согласіи часто гуляли
они рука въ руку подъ тѣ-
нію высокихъ каштановыхъ де-
ревъ, или, сядя подлѣ иссопна-
го куста, разговаривали о нѣж-
нѣйшихъ чувствахъ Природы —
о дружбѣ и любви.

Бальма была прекраснѣй-
шая изо всѣхъ Маврскихъ дѣ-
вушекъ. Щеки ея были такъ
мягки, какъ апласъ, а цвѣтъ ихъ
былъ цвѣтъ чернаго орла; бѣлиз-
на глазъ ея подобила снѣжинѣ,
висящей на черной ягодѣ еже-
вики; кораллы были уста ея,
а зубы являли блестящій рядъ

перловъ. Жакеръ былъ не менѣе прекрасенъ ; ростъ его , казалось , равнялся молодой пальмѣ ; глаза его блистали , какъ метеоръ среди ночи , а губы утончались послѣднимъ пурпуровымъ лучамъ зари вечерней. Жакеровы волосы , вѣющіеся на головѣ мѣлкими кудрями , не уступали въ мягкости нѣжнѣйшей волнѣ черныхъ агнцовъ. Взоръ Ж а к е р о в ъ былъ нѣженъ , и глаза его говорили выразительно , когда обращались къ Бальмѣ.

Каждой изъ черныхъ Жакеровыхъ собратій радовался его счастію ; ибо въ сихъ странахъ не вошло еще въ моду волочиться за чужею любовницею , или женою. Здѣсь вредныя изпаренія отъ несварившихся кушаньевъ не оправляли ядомъ чистыхъ соковъ ,

и ни кореня , ни вина не возмущали крови въ жилахъ. Тихо , подобно сельскому източнику , обращались здѣсь соки , и не мѣшали сердцу наслаждаться испинными удовольствиями. Я люблю тебя , и ты меня любишь — вопъ весь языкъ любви! Сердце чувствуетъ эшо , глаза выражаютъ , уста говорятъ безъ лести , безъ обмана — Бальма была щасплива съ Жакеромъ ; часто гуляли они ночью подъ темными кипарисами , и взоры ихъ , обращаясь къ Небу , разсмапривали звѣзды , блестящія надъ ними.

О Бальма ! говорилъ Жакеръ : какъ великъ Богъ , Который все сіе создалъ ! Я чувствую въ себѣ нѣчто , влекущее къ Нему мое сердце. Не чувствуешь ли и ты , милая , того же ? Ахъ , Бальма ! не Ему

ли обязаны мы всѣми радостями? не Ему ли обязанъ я своею любовію? не Онъ ли образовалъ тебя полъ прекрасною? не Онъ ли даровалъ тебѣ сердце, которое меня любитъ? Такъ, Жакеръ, отвѣчала Бальма: я чувствую все, что чувствуешь ты! Пойдемъ, любезный Жакеръ! подыметъ руки къ Небу, и воздадимъ Ему за то благодареніе, что Онъ есть столько добрый Отецъ. Жакеръ и Бальма, набравъ разныхъ раковинъ и улипокъ, сложили изъ нихъ подъ кипарисными деревьями олтарь, и всякое утро приносили Божеству чистую жертву. Они возжигали благовонныя распѣнія, рассыпали вокругъ цвѣты и высылали къ Небу молитвы, какія внушало имъ сердце. —

Позволь мнѣ, Бальма, сказать однажды Жакеръ: позволь мнѣ поймать какое нибудь животное; я приведу его сюда, и мы принесемъ его въ жертву Богамъ. Нѣтъ, любезный Жакеръ! отвѣчала Бальма: пролитая кровь не можетъ быть Богамъ пріятна. Они, создавъ животныхъ для радостей, не могутъ находить удовольствія въ изпребленіи оныхъ. Вотъ понятія, продолжала Бальма: которыя имѣю я о Божествѣ! Спанемъ дѣлаемъ добро всякой живой швари; это будетъ доказывать Божеству, что мы достойны существовать на свѣтѣ.

Слезы навернулись на глазахъ Жакеровыхъ, и нѣжной поцѣлуй наградила благородное сердце Бальмы.

Однажды прогуливались они въ отдаленіи отъ своихъ рощей, въ необитаемой споронѣ между скалъ и кустарниковъ, разсматривая прелести дикой природы; вдругъ услышали они жалостной стонъ живошного, подошли ближе, и увидѣли раненую бѣлую медвѣдицу, борющуюся со смертію. Маленькой медвѣженокъ сосалъ умирающую матку. Жакеръ, подбѣжавъ, выпалилъ убійственную стрѣлу изъ раны медвѣдицы, и хотѣлъ помочь ей; но трудъ его былъ напрасенъ. Умирающее животное наградило благодарительнаго Жакера признавательнымъ взоромъ. Оно посмотрѣло на своего медвѣженка, какъ будто бы хотѣло сказать ему: сжался надъ этимъ бѣднымъ швореніемъ, которое я оставляю; ибо меня,

Часть III, Б

добрый человекъ! спасши уже не можешь. Медвѣдица умерла, а Бальма и Жакеръ взяли маленькаго звѣрка съ собою, и спали его воспитывать.

Вырастающій звѣрь забылъ совершенно свою дикость, сдѣлался ручнымъ и смирнымъ, и служилъ забавою Жакеру и Бальмѣ. — Смѣшныя кривлянья и скачки увеселяли по вечерамъ любовниковъ, и они даже скучали, когда не было съ ними молодой медвѣдицы. —

Когда Бальма сдѣлалась беременною, то замѣтили, что и медвѣдица ея спала тяжела. Доброе живошное хотя и оспавляло на нѣсколько часовъ своихъ благодѣшелей и ходило въ лѣсъ, но всякой вечеръ возвращалось къ своимъ друзьямъ.

Наступило время Бальми-
ныхъ родовъ, и у Жакера силь-
но билось сердце. Насталъ часъ —
Изогинъ родился, и Бальма
умерла. —

Кто былъ безупѣшнѣе Жа-
кера! Взглядъ на младенца,
взглядъ на умирающую супру-
гу, терзали его сердце и му-
чили душу.

Для чего Божество изпор-
гло тебя у меня! возклицалъ
онъ: изпоргло въ ту мину,
когда ты сдѣлалась для меня
еще любезнѣе? О Природа! ты
даруешь мнѣ сына и похищаешь
у меня мать младенца! За чѣмъ
смерть существуешь въ при-
родѣ? Для того ли долженъ
былъ я полюбить, чтобъ по-
чувствовать, что значитъ раз-
лука? —

Ахъ! какую небесную ра-
доспъ вкушалъ я, когда жилъ

съ Бальмою! На нее смотрѣшь,
говоришь ей, что люблю ее,
было блаженствомъ дней моихъ!
Что я спану безъ нея дѣлать?
Въ уединеніи, подобно слону,
буду скипаться по лѣсамъ,
буду спѣвать, и спѣвать на-
прасно: мнѣ не лзя уже
возвратишь моей Бальмы! —

Бѣдная Бальма! возкли-
цалъ Жакеръ и, повергаясь на
бездушное тѣло, проливалъ го-
рячія слезы любви. Пробудись!
говорилъ онъ: пробудись,
взгляни хопя разъ на Жакера,
прежде нежели навѣки закроют-
ся глаза твои! хопя разъ обой-
ми меня, чшобы сердце твое
билось подлѣ моего сердца,
чшобы я могъ сказать тебѣ въ
послѣдній разъ прости — ска-
зать тебѣ, что я вѣчно твой!
Увы! за чѣмъ оставляешь меня
въ ту мину, когда даруешь

мнѣ залогъ любви своей? Есть-
ли не хочешь жить для меня,
то живи для творенія, кошо-
рое произвела на свѣтъ! —

О Природа, Природа! за
чѣмъ дала мнѣ сердце, способ-
ное любить? за чѣмъ столь
жестоко поступаешь съ вѣр-
ными любовниками? Тщепны
были спѣнанія Жакеровы, Баль-
ма не пробуждалась. Когда онъ
увидѣлъ, что все было напра-
сно, то бросилъ взглядъ на
своего сына. Ты одинъ ос-
таешься у меня, сказалъ онъ:
одинъ ты, несчастный Изо-
тинъ (такъ буду называть
тебя)! Твой образъ будетъ
всегда напоминать мнѣ о тво-
ей матери; буду на тебя взи-
рать, плачевный остатокъ люб-
ви моей! буду надъ тобою пла-
кать, однакожъ любить те-
бя! Потомъ Жакеръ дикими

глазами посмотрѣлъ вокругъ себя. И ты умрешь, возкликнулъ онъ осиплымъ голосомъ; ты умрешь; у тебя нѣтъ матери, которая бы тебя кормила. Что мнѣ дѣлать? Онъ взялъ младенца на руки, и орошалъ его слезами. Когда Жакеръ плакалъ такимъ образомъ, то пришла бѣлая медвѣдица, начала слизывать слезы съ глазъ его, ласкала его своею лапою, и всякую минуту озиралась назадъ, какъ будто бы хотѣла что нибудь сказать ему. Жакеръ оглянулся и увидѣлъ, что медвѣдица принесла двухъ медвѣженковъ. Доброе живошное! вскричалъ Жакеръ: будь кормилицею моего сына, пидай его своимъ молокомъ, и спаси ему жизнь, какъ я спасъ тебя. Жакеръ положилъ младенца къ

медвѣдицѣ, и она кормила его, облизывала и часто устремляла глаза на Жакера, какъ будто бы хотѣла сказать ему: я не могу лучше воздашь шебѣ за твои благодѣянiя. —

Жакеръ былъ неутешенъ со времени смерти добродѣтельной Бальмы, медленно исчезала жизнь его, подобно тѣни странника при захожденiи солнца. Жакеръ умеръ, когда Изогину не минуло еще и десяти недѣль.

Послѣ смерти Жакеровой добрая медвѣдица, взявъ своихъ дѣтей и воспитанника своего Изогина, унесла ихъ отъ людей въ отдаленную пустыню. Она исполнила долгъ благодарности, и опять получила право на свою вольность. Жакеръ воспиталъ ее, она захотѣла воспитать Изогина. Тщательно

друзья Жакеровы опыскивали медвѣдицу; всѣ ихъ спаранія были напрасны. — Жакера погребли вмѣстѣ съ Бальмою, и дикіе насадили около ихъ могилы нѣсколько кипарисныхъ и шополевыхъ деревъ.

Въ той сторонѣ, куда медвѣдица убѣжала съ Изогиномъ, одинъ купецъ претерпѣлъ за нѣсколько лѣтъ кораблекрушеніе. Несчастный поглощенъ былъ волнами, и только жена его, которая давно уже была беременна, спаслась отъ погребенія и пришла въ сіе несбитаемое мѣсто, гдѣ по прошествіи трехъ дней произвела на свѣтъ прекраснѣйшую дѣвчушку, которую мать назвала Целіею. Несчастливая женщина провела здѣсь три года съ дочерью своею, удалена будучи отъ людей, а въ началѣ чеш-

вершаго получила себѣ въ сообщницы бѣлую медвѣдицу. Судьба, склонность и нужды тѣсно соединили существа сіи — и бѣлая медвѣдица, Целія, мать ея и двое медвѣженковъ составили небольшое семейство. Мать Целіина взирала съ удивленіемъ, какимъ образомъ медвѣдица кормила юнаго Изогина; а какъ равная участь крѣпко привязываетъ несчастнаго къ несчастнымъ; но Целіина мать полюбила маленькаго Изогина какъ сына своего. Изогинъ и Целія выросли. Целіи было около пятнадцати лѣтъ, когда умерла мать ея.

Ужасна была сія потеря для Изогина и Целіи, кои не знали еще, что значить умереть. Для чего мапушка спитъ такъ долго? сказала Целія.

Изогинъ. Не знаю, Целія.

Целія. Повѣрь мнѣ, *Изогинъ*, что мапушка никогда такъ долго не спала; однакожъ она опять проснется.

Изогинъ. Проснется! я также думаю; но что съ нами будетъ, *Целія*! естли мапушка никогда не пробудится? Какъ ты думаешь, милая, можно ли заснуть навсегда?

Целія. Мнѣ бы эшаго, *Изогинъ*, никогда не пришло въ голову; но у меня была маленькая ппичка, которую я любила очень очень любила, и когда она заснула однажды, то съ тѣхъ поръ не просыпалась.

Изогинъ. О *Целія*! естли мапушка никогда не пробудится, и естли когда нибудь и ты заснешь также, что будешь тогда съ *Изогиномъ*? Пойдемъ, милая! ляжемъ на помѣстѣ, и попробуемъ, не мо-

жемъ ли заснушь и мы; еспьли ты не проснешься, то и я не хочу просыпаться. —

Целія. Но, Изогинъ! еспьли мы уснемъ всѣ; то что будетъ съ бѣлою медвѣдицею, которая тебя вскормила?

Изогинъ. Она не оспанетъ одна, она также уснетъ съ нами, и когда всѣ опять проснемся — мы вѣрно должны проснувшись — тогда спанемъ опять наслаждаться жизнью.

Целія. Такъ, мы это сдѣлаемъ! Мапушка часто мнѣ говорила, что всѣ люди и животные должны уснуть на долгое время, и что они пробудятся не здѣсь, но совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ такъ прекрасно, что не могу сказать тебѣ.

Изогинъ. О! такъ мы всѣ опять увидимся!

Целія. Конечно такъ; безъ тебя, Изогинъ, мнѣ нигдѣ бытъ не хочется.

Изогинъ! И мнѣ также безъ Целіи.

Тутъ Изогинъ и Целія поцѣловались и заплакали; посмотрѣли на мать, поцѣловались, и опять заплакали. Я не знаю, сказалъ Изогинъ, что чувствую, Целія! Мнѣ такъ хорошо, когда обниму тебя, когда склоню голову къ груди твоей, такъ хорошо, что я желалъ бы, чтобы всегда такъ было. Если я заплачу, то и ты плачешь. О Целія! для чего насъ двое! двухъ можно разлучить! Но еслибы мы составляли одно: смотри, еслибы мамушка была съ нами одно, то и мы бы уснули съ нею вмѣстѣ.

Ахъ , Изогинъ ! отвѣчала
 Целія , прилѣпившись съ горяч-
 ностію къ губамъ его : влече-
 ніе души къ соединенію въ од-
 но существо сильно дѣйство-
 вало въ ея сердцѣ. Они , об-
 нявшись , въ первой разъ по-
 чувствовали , что обниманіе
 есть стремленіе заключеннаго
 въ тѣлѣ духа соединиться въ
 одно существо — они увидѣ-
 ли , что тѣло ихъ есть тем-
 ница ихъ душъ , а сильное по-
 бужденіе къ высшей свободѣ
 подало имъ темную идею вѣчно-
 сти и безсмертія. — Когда ма-
 шушка не просыпается , ска-
 зали они : то сдѣлаемъ для нея
 спокойный одръ. Они накла-
 ли вмѣстѣ вѣшвей и моху , усы-
 пали сверху цвѣтами и при-
 крыли тѣло благовонными пра-
 вами.

Часть III.

В

Целія была совершенная невинность, совершенная природа, Изогинъ совершенная простота; они возникали, какъ первые люди, и были щасливы. Довольствуясь тѣмъ, что подавала имъ рука Природы, они не знали никакихъ пяго-спныхъ потребностей: вкуснѣйшіе древесные плоды были ихъ пищею, чистый, свѣжій источникъ ихъ пиіемъ.

Часто по вечерамъ сиживали они на берегу моря и, смотря на неизмѣримую поверхность его, думали, что и тамъ — тамъ, далеко отъ нихъ, есть такіе же люди какъ и они.

Возходящее солнце внушало въ нихъ понятія о Божіемъ величествѣ, а согрѣвающее его дыханіе, которое произращало цвѣты, возвѣщало имъ, что

должно быть Существо все-
содержащее.

Нарвемъ, Изогинъ, сказала
однажды Целія : нарвемъ пре-
краснѣйшихъ цвѣтовъ для То-
го, Кто долженъ быть при-
чиною всѣхъ сихъ прекрасныхъ
вещей. Такъ, Целія! мы это
сдѣлаемъ, отвѣчалъ Изогинъ :
ты рви цвѣты, а я стану
доспавать морскія раковины и
собираю блестящіе камни, пе-
реллешу ихъ прутьями, и
стану на берегу строитъ такое
мѣсто, куда будемъ всякой день
приносить плоды и цвѣты для
Существа, Которое создало
сію прекрасную сторону.

Олшаръ былъ готовъ. Це-
лія пришла съ плодами и цвѣ-
тами, положила ихъ на жерш-
венникъ, посмотрѣла на Изо-
гина, и обняла его. Взоръ ея,
обращенный къ небу, благород-

ное ея сердце сильно біющее-ся и чувствуемое благоговѣніе, были первою ея молитвою, которую возсылала она къ Небу.

О чемъ ты думаешь, любезная Целія? началъ Изогинъ.

Целія. Я прошу Того, Который доровалъ намъ жизнь, чшобы Онъ сохранилъ тебя.

Изогинъ. И я также, Целія, молился о сохраненіи тебя.

Целія. Высочайшее Существо должно быть благо, не-сказанно благо.

Изогинъ. Кто тебѣ это сказывалъ?

Целія. Сердце мое, чувство мое.

Изогинъ. Смотри, Целія! вотъ самой прекрасной цвѣшокъ, которой сорвалъ я; онъ назначенъ для тебя: теперь.

опдамъ его Существу, Которое мы любимъ.

Изогинъ положилъ цвѣшокъ на олтарь — и Божество милоспивымъ окомъ воззрѣло съ небеси, и Ангели принесли сію жертву невинности ко престо-лу Всемогущаго.

Сердце человѣческое есть истинный храмъ Божества; въ немъ Превѣчный находишь Себѣ угожденіе. Къ чему служаши наши возкуренія, наши жертвы; когда сердце ни мало въ нихъ не участвуешь? — Гордый Царь напрасно возкуряешь фаміамъ въ золотыхъ сосудахъ; въпры развѣваешь дымъ, равно и молитву его, которая не доспигаетъ до Божества. Оно любяши единую простоту и невинность, опвергаетъ текаломбы жертвъ, и милоспиво взираетъ на цвѣшокъ, возло-

женный на олшарь чистымъ
сердцемъ.

Луна двадцать разъ возоб-
новляла свѣшъ свой надъ зем-
лею со времени рожденія Целіи,
и девятнадцатая весна укра-
шала прекраснѣйшую страну
съ шѣхъ поръ, какъ началъ
жить Изогинъ. Природа, ру-
ководствуя невинную чету сію,
довела ее до священнѣйшихъ
чувствованій — до дружбы и
любви. Они любили другъ дру-
га и были щасливы.

Невинная любовь! ты даръ
Божества, и даръ безцѣнный;
твой всеоживляющій духъ
посвящаетъ каждое твореніе
удовольствіямъ! твоя печать
есть небесное наслажденіе! За-
бываема людьми, ты рѣдко бы-
ваешь въ городахъ; только на
уединенныхъ островахъ, или
въ низкихъ хижинахъ ты воз-

обновляешь еще торжества свои. Въ тѣнистыхъ рощахъ между цвѣтами празднуютъ твою память, между тѣмъ какъ храмъ твой оскверняютъ въ огромныхъ чертогахъ, гдѣ сладоспираспiе занимаетъ твое мѣсто и принимаешь пошъ фиміамъ, который нѣкогда для тебя одной, божественная! курился на олшаряхъ твоихъ.

О люди! для чего оставляете толь сладостное ощущение — чистую любовь? Она, изливаясь опъ Того, Кто насъ создалъ, возвращается къ Нему опять — къ Нему, Кто есть истинная Любовь. Все съ нею прекрасно; все безъ нея ничтожно. Она есть цѣпь, соединяющая самое послѣднее твореніе съ человекомъ, человека съ Ангеломъ, Ангела съ Богомъ; — такая цѣпь,

въ которой каждой членъ принадлежишь къ цѣлому; которая составляетъ единство ; — въ которой я становишься ты, а ты я — а я и ты, средоточіе чистѣйшей любви, неразлучно соединяется въ Божество.

Изогинъ и Целія наслаждались упокоеніемъ сей любви; но ихъ блаженство нарушилъ одинъ несчастной день, въ которой корабль присталъ къ тому берегу, гдѣ они жили.

Одинъ Испанской купецъ приплылъ въ сію страну. Корабль его при дни уже стоялъ на якорѣ, какъ нѣсколько людей его на четвертой день пристали къ берегу, чтобы осмотрѣть это мѣсто, которое казалось имъ столь живописнымъ. — Изогинъ и Целія, сидя на берегу, давно уже раз-

смапривали сіе удивительное зданіе, кошорое въ такомъ великолѣпїи качалось на морѣ, какъ лодка приближались къ берегу, и щесць Испанцевъ вышли на землю.

При первомъ взглядѣ на сихъ людей Изогинъ и Целія пали ницъ на землю, подумавъ сначала, что это было само Божество, сошедшее съ неба. Спустя нѣсколько минушъ прошло ихъ изумленіе, и они ободрились, когда чужестранцы обошлись съ ними ласково.

Испанцы были въ такомъ же изумленїи, нащедъ такую красоту, какова была Целія, и удивлялись также непринужденности Мавра, не менѣе прекраснаго въ своемъ родѣ. Они уже разочли всѣ выгоды, копорыя надѣялись получить отъ сихъ двухъ человекъ, а въ раз-

счетомъ своемъ не забыли и прекрасной бѣлой медвѣдицы.

Вы теперь наши! сказалъ одинъ Испанецъ, налагая на нихъ оковы; а Изогинъ и Целія съ охотою пропягивали руки свои, думая, что оковы сіи были подарокъ.

Вскорѣ и они начали говорить съ Испанцами; ибо мать Целіина была Испанка, и хотя Целія говорила нехорошо, однакожъ можно было понимать ее.

Вы намъ не сдѣлаете никакого зла? сказала Целія: вы кажетесь такъ добры, а мы вамъ ничего не сдѣлали. Не бойтесь! сказалъ одинъ Испанецъ, и потащилъ съ берегу Изогина, который безпрестанно оглядывался на Целію.

Изогинъ, Целія и бѣлая медвѣдица были на кораблѣ, и плыли уже далеко въ морѣ,

принуждены будучи оставить навѣки щастливое свое жилище.

Изогинъ съ горестію обращалъ глаза на свою сторону, и слеза капнула на руку Целіи, которую безпрестанно прижималъ онъ къ своему сердцу.

Что съ тобою сдѣлалось, Изогинъ? сказала Целія: ты плачешь! —

Изогинъ. Я не знаю, Целія! опъ чего такъ тяжело моему сердцу — такъ тяжело, какъ никогда не было; я что-то предчувствую, чего не могу сказать себѣ.

Целія. Не думаешь ли ты, что съ нами случилось что нибудь худое?

Изогинъ. Боюсь, Целія! Посмотри, милая моему сердцу! посмотри на тѣхъ людей, которые тамъ гребутъ веслами; они такіе же люди, но съ ними

поступаютьъ совсѣмъ иначе. Боюсь, боюсь, Целія! — — а эти цѣпи. . . .

Целія. Не подарки, Изогинъ! я уже чувствую ихъ тягость; но съ охотою спану носишь ихъ, лишь бы ты, Изогинъ, былъ со мною! Тебѣ не должно со мною разлучаться.

Изогинъ. Разлучаться! — Нѣтъ! клянусь Божеспвомъ, Которое мы чтимъ, что никто не разлучитъ меня съ Целіею!

Здѣсь Изогинъ умолкъ, и глубокая горестъ въ первой разговладѣла его сердцемъ; онъ склонилъ свою голову ко груди Целіи, и любовники во всю дорогу говорили мало; они болѣе смотрѣли другъ на друга и плакали.

Испанцы, не заботясь о сей несчастной четѣ, вошли благополучно съ своею добычею

въ безопасную гавань. Когда они тамъ сходили на землю, то собралось на берегу множество народа, которой любопытствовалъ увидѣть приставшій корабль. Изогинъ, Целія и бѣлая медвѣдица сведены были съ корабля, и тысячи людей окружили сіи рѣдкости.

Донъ Серпино былъ богатѣйшій человекъ во всей этой сторонѣ. Онъ имѣлъ такой звѣринецъ, какой рѣдко можно найти въ Европѣ.

Взоръ его тотчасъ успремился на бѣлую медвѣдицу, и онъ предложилъ за нее значную сумму. Торгъ былъ заключенъ, и ему отдали медвѣдицу. Донъ Спинхось, другой богатой дворянинъ, захотѣлъ купить Целію, и спорговалъ ее за тысячу піаспровъ. Изогинъ стоялъ еще, подобно спа-

Часть III.

Г

пуѣ изъ чернаго мрамора. Онъ не зналъ, что изо всего эшаго должно заключишь, какъ наконецъ повели Целію и бѣлую медвѣдицу. Тупъ пробудилось натуральное чувство въ его сердцѣ; онъ разорвалъ цѣпи и съ пламенными глазами бросился на Серпино и Спинпоса, повергъ ихъ на землю, овладѣлъ опять своею Целією и медвѣдицею, и такъ началъ говорить къ нимъ:

„Варвары! какое право емѣете вы на Целію? — какое право на сіе бѣдное живошное, которое меня вскормило и воспитало? — Пусть тысячи изъ васъ устремятся умертвить меня, но я не испрашусь вашей смерти: ничто не разлучишь меня съ Целією и съ этимъ бѣднымъ живошнымъ, которое занимало у меня мѣ-

сто матери. — Опважнѣе! я стану защищать ихъ до послѣдней капли крови — опважнѣе! изшоргнуу у меня эпитѣмъ Природы, и вы увидите, что можете сдѣлать оскорбленная любовь въ такомъ сердцѣ, которое не знаетъ другихъ законовъ, кромѣ законовъ Природы.

„Чудовища! это ли награда за наше гостепріимство? — Какъ боговъ мы васъ приняли: моя Целія нарвала для васъ самыхъ прекрасныхъ цвѣтовъ, Изогинъ предложилъ вамъ самые вкусные плоды; а вы на берегахъ своихъ поступаете съ нами какъ съ непріятелями. — Не шуты ли произвели васъ на свѣтъ? не волчицы ли были вашими матерями? Они родили такихъ дѣтей, каковы вы! Какое имѣете право на мою

Целію? какое право на мою добрую медвѣдицу? — Естѣли голосъ природы и сердца уважающія вами хотя сколько нибудь, то выслушайте меня, выслушайте права, данныя мнѣ ею, и естѣли ваши права священнѣ моихъ, то я уступлю вамъ Целію и свою медвѣдицу.“

Народъ съ изумленіемъ стоялъ вокругъ разъяреннаго Мавра, котораго слушали со вниманіемъ.

„Целія есть любезная моя, продолжалъ онъ: несчастіе и судьба тѣсно соединили сердца наши; Божество одобрило нашу любовь, ибо дни наши протекали въ мирныхъ удовольствіяхъ. Никакая печаль не помрачала нашего чела, никакая забота не опятчала нашего сердца, пока вы, варвары! при-

стали къ тому берегу, гдѣ мы были щаспливы — да и теперь пребывали бы благополучными. Эта бѣлая медвѣдица заступала у меня мѣсто матери, и ешлы неизвѣстно вамъ названіе благодарности, то узнайте отъ меня, что она есть такое. Во всю свою жизнь не забуду я дѣтскихъ обязанностей къ этому живошному, которое было мнѣ матерью, Оно никогда меня не оставишь, а я никогда не оставлю его. Вы можете умершвишь насъ, но разлучишь — никогда !“

„Чувство, которое я питаю въ сердцѣ, смѣлость, которую чувствую, и сила, въ которой я увѣренъ — все говоришь мнѣ, что это суть священные законы Природы; — что я вѣчно любить долженъ Целію, и вѣчно любить буду.“

и что моя бѣлая медвѣдица на-
всегда оспанелась ко мнѣ та-
кою, какова была ко мнѣ мать
моя.

„Естьли требованія ваши
священнѣе, ваши права силь-
нѣе, то приближьтесь ко мнѣ!

„Уже ли для васъ долженъ
я забыть природу и любовь,
для васъ, которые, какъ хищ-
ные разбойники, отважились
напасть на священный островъ,
которой до васъ не осквернялъ
еще никакой злодѣй! — Уже ли
для удовольствованія вашему
корыстолюбію долженъ я поз-
волишь продать мою медвѣ-
дицу и отдать мою Целію! —
Медвѣдица моя и Целія моя;
природа мнѣ ихъ даровала; на
ней основываются мои требова-
нія, но вашихъ припязаній она
не знаетъ: ибо насиліе есть
ваше право.

„Все, что вкругъ себя ни вижу, увѣряешъ меня, что вы давно уже сдѣлались вѣроломными Божеству и природѣ. Ваши кушанья, ваши плащья, ваши мечи — все увѣряешъ меня въ вашей измѣнѣ. Природа не признаешъ васъ болѣе своими дѣтьми, ибо вы забыли мать свою; вы сдѣлались матеререубійцами, и такъ ее обезобразили, что не лзя уже узнать ее. Отвезите насъ на прежній нашъ островъ; ибо Природа не дала вамъ права дѣлать насъ несчастными. Отвезите насъ назадъ; естлижъ не хошите, то бросьте насъ въ море, и бурныя волны будутъ благодѣтельныѣ, нежели вы: онѣ или возвращаютъ насъ на нашу родину, или навѣки закроютъ намъ глаза, не разлучая насъ.“

Такъ говорилъ Изогинъ ,
прижимая ко груди то Целію ,
то медвѣдицу , и бросая вок-
ругъ пламенные взоры , подоб-
но льву , стоящему возлѣ сво-
ей львицы и дѣшей своихъ.

Все удивлялись отважно-
сти Мавра ; но голосъ корыс-
толюбія заглушилъ голосъ раз-
судка , а законы силы одержа-
ли верхъ надъ законами приро-
роды. Окруживъ Мавра , опня-
ли у него Целію ; но Изогинъ
защищался , вырвалъ у одного
мечъ , умертвилъ хищника и
бросался на всѣхъ , какъ бѣше-
ный , пока наконецъ , поперявъ
силы и покрытъ будучи рана-
ми , упалъ возлѣ своей медвѣди-
цы , копорая также была смер-
тельно ранена.

Кровь лилась изъ ранъ его ;
вдали безъ чувствъ лежала Це-
лія. Спиншось , копорой купилъ

ее, былъ убитъ. Никто не сжалился надъ Целіею, кромѣ Дона Карлоса, одного добродѣтельногонаго человека, который имѣлъ чувство и сердце. Онъ велѣлъ перенести несчастную въ домъ свой и поступать съ нею со всѣмъ уваженіемъ.

Смѣлосць Мавра произвела сильное волненіе въ народѣ. Одни защищали Изогина, другіе купца и между пропировоборствующихими сторонами дошло до кровопролитія. Онѣ рубились, и около пятидесяти человекѣ оспалось убитыхъ на мѣстѣ. Изогинъ сочпенъ зачинщикомъ сего возмущенія; его сковали и повлекли въ темницу.

Въ то время, когда Изогинъ помился въ темницѣ, Целія оспавалась въ домѣ Дона Карлоса. Сей благородный Испанецъ имѣлъ благодѣтельное

сердце и такой умъ , кошорой
 былъ свободенъ опъ предраз-
 судковъ. Всѣ средства упош-
 ребляемы были къ приведенію
 Целіи въ чувство. Она лежала
 блѣдна, какъ лилія, и кропкая
 невинность избрала престономъ
 своимъ чело ея. Наконецъ она
 открыла глаза , смотрѣла на
 окружающихъ , и щеки ея ма-
 ло по малу покрывались румян-
 цемъ, подобно нарцису при вос-
 ходѣ упренней зари.

Гдѣ Изогинъ? говорила она:
 гдѣ мой любезной?

Не печалься , добрая дѣву-
 шка! сказалъ Донъ Карлосъ :
 объ немъ пекутся также, какъ
 и о тебѣ. Помышляй только
 о своемъ выздоровленіи , а мнѣ
 оставь спараться о своемъ
 щастіи.

Целія. Кто ты таковъ ,
 добрый человекъ? Я желала бы

у тебя остаться. Поди, позови Изогина; мы хопимъ бышь вмѣстѣ.

Донъ Карлосъ. И я хочу того же, милая дѣвушка! — — О, какъ она невинна, какъ любезна! — —

Здѣсь Донъ Карлосъ не могъ удержаться отъ важныхъ разсужденій. Природа, говорилъ онъ: образуетъ людей гораздо благороднѣйшими, нежели всякое воспитаніе: вотъ что называется неизпорченная природа! Въ городахъ только что говорятъ объ ней. Изкорчены соки наши и пороки бывають наследственными: отъ отца переходятъ они къ сыну, ко внуку, и разпространяются во всемъ потомствѣ. Добродѣтель заключается въ простой природѣ; пороки рождаются отъ искусства. О! какъ

жалко наше состояніе, когда мы удаляемся отъ простоты и невинности! — —

Такъ разсуждалъ Донъ Карлосъ, и спящая красота Целіи возымѣла сильное дѣйствіе на его біющееся сердце.

О! есѣли бы Целія была моею! говорилъ онъ самъ съ собою: какъ былъ бы я щасливъ! — Нѣтъ, удались отъ меня мысль сія! Она любитъ Изогина. — Пусть будешь первымъ моимъ дѣломъ спаси ея любезнаго и сосшавишь ей щастіе.

Потомъ въ безмолвіи споялъ онъ нѣсколько минутъ передъ Целіею, и не могъ наглядѣться на ея прелести.

Целія проснулась опять, и прекрасные глаза ея открылись, какъ небесный лазурь,

съ котораго сошло бѣлое обла-
ко. Губы ея уподоблялись двумъ
коралламъ, которые во время
бури скрывала морская пѣна;
съ улыбкою отворились уста
ея и слегка обнаружили бле-
стящій рядъ перловъ. Взоръ
ея обратился къ небу, а бѣлая
рука ея простерлась къ своему
благодѣтелю. Она взглянула
на него, и слеза, какъ капля
утренней росы, упала на Кар-
лосову руку, которую Целія
прижимала къ своей груди. Силь-
но билось ея сердце, и одно
только имя Изогина повтора-
ли уста ея.

Тогда, какъ Целія была у
Карлоса, Изогинъ помился въ
темницѣ. Съ горестію остано-
вливались глаза его на спѣнахъ,
которые его заключали. Онъ
смотрѣлъ на узы, которые его
связывали, и не зналъ, что вы-

Часть III.

Д

дешъ изъ всего, что онъ видѣлъ и что съ нимъ случилось. Первая мысль, которая родилась въ душѣ его, была сомнѣніе, въ самомъ ли дѣлѣ были люди пѣшворенія, которыя такъ съ нимъ поступили.

Видъ ихъ, говорилъ онъ: похожъ на Целіинъ — они бѣлы, какъ и она; но ихъ сердце. . . . Нѣтъ! это не Целіино сердце! — Между пѣмъ какъ онъ размышлялъ такимъ образомъ, тюремщикъ позвалъ его къ допросу. Его ожидалъ полстой, флегматической Судья, такой человекъ, которой уже надъ сотнями людей произнесъ смертнй приговоръ, не проливъ ни одной слезы. Съ благороднымъ видомъ предсталъ Изогинъ предъ своего Судью, которой не имѣлъ правильныхъ понятій ни о судѣ, ни о приговорахъ.

Кто ты таковъ? началъ
Селпанось — такъ назывался
Судья.

Человѣкъ, отвѣчалъ Изо-
гинъ: такой же какъ и ты, ро-
жденный для наслажденія и
радостей; сотворенный Тѣмъ,
Кто сотворилъ тебя, и содер-
жимый природою, которая те-
бя содержишь.

Селпанось. Знаешь ли, за-
что взяли тебя подъ спражу?

Изогинъ. Нѣтъ!

Селпанось. Развѣ ты не
сдѣлалъ никакого преступленія?

Изогинъ. Чтобы отвѣчать
тебѣ на этотъ вопросъ, скажи
мнѣ напередъ, что значитъ пре-
ступленіе?

Селпанось. Преступленіе
значитъ поступать противъ
законовъ, дѣлать возмущеніе въ
народѣ и причинять несчастіе.

Изогинъ. Естьли преступленіе значишь эшо, то я ни въ чемъ не вижу себя виновнымъ. Я никогда не поступалъ пропивъ законовъ природы и моего сердца; я болѣе защищалъ ихъ, чему служащъ доказательствомъ мои раны. Выслушай меня, Селпанось! Я сынъ природы; не знаю вашихъ обыкновений, вашего произхожденія, вашихъ законовъ; но что-то есть въ моемъ сердцѣ, которое говоритъ мнѣ, что я поступилъ справедливо. — Скажи мнѣ, кто таковъ ты, копорой меня такъ спрашиваешь?

Селпанось. Я твой Судья.

Изогинъ. Что эшо значишь?

Селпанось. Я тотъ, котораго Богъ и Государь опредѣлили разбирать правду и неправду, наказывать злодѣя и награждать добродѣтельнаго.

Изогинъ. Въ самомъ дѣлѣ? —
 Естьли такъ, то я умоляю
 тебя о правосудіи, умоляю объ
 отмщеніи за обиженную при-
 роду. Я жилъ щасливо на пу-
 стомъ, необитаемомъ остро-
 вѣ, вкушалъ невинныя утѣхи
 съ моею Целією; тогда возош-
 ли на нашъ берегъ чудовища,
 испортили меня изъ обаяній
 природы, опіяли у меня Це-
 лію, мою бѣлую медвѣдицу,
 которая меня вскормила, и все,
 что ни имѣлъ я драгоцѣннаго.
 Естьли ты подлинно помъ,
 которому Божество дало
 власть наказывать злодѣевъ,
 такъ накажи пѣхъ, кои похи-
 щали у меня Целію.

Нѣтъ! не наказывай ихъ.
 Естьли только человѣческое
 сердце бьется въ ихъ груди,
 то они проиутся по собствен-
 ному чувству, и душа ихъ спа-

нѣтъ упрекать ихъ за обиды,
кошорыя они мнѣ причинили.

Неизмѣримыя проспанства
опдѣляли насъ; я былъ ща-
спливъ, не зналъ васъ, не же-
лалъ васъ знать, а вы изпорг-
ли меня изъ нѣдръ спокойств-
вія и подвергли несчастіямъ.
О! естѣли ты хопя слезу
пролилъ когда нибудь о спра-
дающемъ человѣчествѣ, по
сжался надъ бѣднымъ Изоги-
номъ и возврати мнѣ мою Целію!

Селпаносъ. Какое право
имѣешь ты на Целію?

Изогинъ. Какое право, спра-
шиваешь ты? Она моя любез-
ная, моя супруга.

Селпаносъ. Твоя супруга,
безумной! — Кто далъ тебѣ
ее въ супруги, кто сочепалъ
васъ?

Изогинъ. Богъ и природа
дали мнѣ Целію въ супруги, а

сердца наши были узами нашей любви.

Селпанось. По законамъ нашей земли бракъ твой недѣйствителенъ; Целія можешь тебя оставить безо всякаго предосужденія.

Изогинъ. Меня оставишь? — Нѣтъ, этого не можешь сдѣлать Целія. Она умретъ, но никогда не оставишь Изогина. Ахъ, Селпанось! въ какой варварской землѣ живешь ты? Уже ли не священны для васъ движенія сердца, движенія природы? уже ли по законамъ вашимъ та не жена мнѣ, которая меня любитъ, которую люблю я? Уже ли дружба, взаимная привязанность не суть узы, насъ связывающія, и клятвы нашего сердца не столь священны, какъ ваши? Скажи, что мнѣ дѣлать, чтобы Целія и въ вашей

землѣ была моею женою? Я покаряюсь добровольно вашимъ обыкновеніямъ.

Селпаносъ. Ты долженъ имъ покориться, ибо ты невольникъ.

Изогинъ. Что такое невольникъ?

Селпаносъ. Ты составляешь теперь собственность того, коимъ овладѣлъ побоею; онъ все можетъ съ побоею сдѣлать, что захочетъ: продать тебя, подарить, или умертвить.

Изогинъ. Кто далъ ему сіе право? Право! — нѣтъ! это ложь, ложь насилія, а не право! Право есть то, что говоришь мнѣ сердце и природа; а сердце говоришь мнѣ, что мы всѣ чело-вѣки, что я не долженъ того дѣлать своему брату, чего не хочу дѣлать себѣ. Вошь

что говоришь мнѣ сердце, и
если вы говорите вамъ про-
тивное, то повѣрьте мнѣ, что
это ложь!

Селпаносъ. Перестань ум-
ствовать, несчастный! ты
возспалъ противъ Государст-
ва и общественной безопаснос-
ти, за то на всю жизнь осу-
ждаю тебя на галеры.

Изогинъ опведенъ былъ на-
задъ въ темницу, а чрезъ нѣ-
сколько дней опправленъ на га-
леры. Бѣлая медвѣдица, сколь
тяжело ни была ранена, во
все это время не оставляла
дверей темницы; а когда по-
вели Изогина въ гавань, то и
она пошла за нимъ туда же.
Тамъ брислся Изогинъ на зем-
лю, поднялъ къ небу руки, и
просилъ о помощи, — но тщет-
но; приспавники били его пал-
ками, оппацили опъ него мед-

вѣдицу и , кинувъ его на галерею , опвалили опъ берегу , не смотря на всѣ его жалобы. Бѣлая медвѣдица бросилась въ море , и до тѣхъ поръ плыла за кораблемъ , на коемъ находился Изогинъ , пока наконецъ , выбившись изъ силъ , не могла держаться на водѣ , и попонула .

Донъ Карлоосъ каждой день посылалъ въ шюрьму освѣдомляться объ Изогинѣ , и Селпаносъ , копорой смѣялся его добродушію , обманывалъ его до тѣхъ поръ , когда Донъ Карлосъ узналъ уже , что бѣдной Изогинъ отправленъ на галеры .

Сіе извѣстіе было горестно для сердца Карлосова ; онъ всего спрашился въ разсужденіи Целіи ; однакожь ободрясь , рѣшился донестиъ Королю о семъ дѣлѣ . Большую часть дня

проводилъ онъ у Целіи, разговаривалъ съ нею объ Изогинѣ, утѣщалъ ее, а иногда и плакалъ съ нею вмѣстѣ. Наконецъ онъ не могъ долѣе скрывать такой тайны, копорая, можетъ быть, Целіи стоила бы жизни. Она такъ неотступно просила Карлоса доставить ей свиданіе съ Изогиномъ, что наконецъ Карлосъ открылъ ей плачевную участь Изогина.

Целія не заплакала; она неподвижно смотрѣла въ землю, и чрезъ цѣлые дни ни одного вздоху не вылетало изъ груди ея, ни одной слезы не выпало изъ ея глазъ; часто пожимала у Карлоса руку, а иногда дѣлала шикія движенія, кои показывали страшное ощущеніе.

Горестъ Целіина мучила добраго Карлоса, и онъ опдалъ

бы половину дней своихъ, что-бы ее упѣшить, ибо онъ любилъ ее.

Все, что можетъ придумать изобрѣтательная любовь, дѣлалъ Карлосъ для разсѣянiя Целiиной горести; но тщетны были его усилiя. Иногда Целiя вдругъ повергалась на полъ и рыдала о своемъ Изогинѣ. О Карлосъ! сказала она однажды: какъ была бы я счастлива, если бы также Изогинъ былъ со мною! Знаешь ли, Карлосъ! послѣ Изогина ты для меня любезнѣе всѣхъ на свѣтѣ! Еслибъ мы всѣ трое жили вмѣстѣ, то какими бы радостями наслаждались! Я любила бы Изогина и тебя; Изогинъ любилъ бы тебя и меня; а ты любилъ бы меня и Изогина: подумай, какое веселiе, какое блаженство!

Карлосъ. Нѣтъ, милая невинность! повѣрь мнѣ, что Изогинъ будетъ менѣе щастливъ, нежели сколько воображаешь, если ты станешь любить и меня; онъ сдѣлается ревнивъ: ибо всякой мужчина желаетъ одинъ владѣть сердцемъ своей любовницы.

Целія. Это бываетъ у васъ; но Изогинъ не таковъ. Посмотри на природу, она не скупа; никто не имѣетъ исключительнаго права въ ея царствѣ. Я желала бы любить всѣхъ тѣхъ, которые подобны тебѣ и моему Изогину — любить ихъ также, какъ васъ, только бы они были такъ добры, какъ вы.

Карлосъ. Ты чудная женщина, и не знаешь ни себя, ни людей. Повѣрь мнѣ, Целія! это не такъ выходить на дѣ-

Часть III.

Е

лѣ. Наши дѣвушки должны любить одного.

Целія. Но всегда ли такъ бываетъ?

Карлосъ. Это совсѣмъ другой вопросъ. Ты не различаешь любви отъ дружбы. Любовь ограничивается только однимъ предметомъ; дружба объемлетъ многіе. Если бы тебѣ позволено было опять возвратиться на свой островъ, а комунибудь изъ насъ, мнѣ, или Изогину, провожать тебя, кого бы ты выбрала? —

Целія. Изогина; но прости мнѣ: я люблю и тебя.

Карлосъ. Но если бы зависѣло отъ твоего выбора спасти одному изъ насъ жизнь, то кого бы предпочла: своего Изогина, или меня?

Целія. Вы оба должны жить.

Карлосъ. Но естѣли бы тебѣ должно было спасти только одного?

Целія. Такъ я лучше умерла бы за васъ.

Карлосъ. Но естѣли бы и эшаго не лѣзя было сдѣлать?

Целія. То мы умерли бы всѣ вмѣстѣ.

Карлосъ. Благородная дѣвушка! какъ прекрасна невинность въ неліцемѣрной природѣ!

Карлосъ очень часто бесѣдовалъ съ сею воспитанницею природы, и многіе знашныя Господа пріѣзжали къ нему, чѣмъ увидѣвъ Целію. Поелику она была прелестна, то скоро обратила на себя вниманіе сластолюбца, и Педро Данапосъ, одинъ богачомъ, но безстыдной чловѣкъ, всѣми силами старался уловить Целію въ свои сѣти.

Есть такіе люди, ко-
рые, будучи богаты и при томъ
знашнаго произхожденія, вооб-
ражаютъ себѣ, что всякая бѣ-
дная дѣвушка есть для нихъ
продажной поваръ. Они, какъ
тусеницы въ саду, прокрады-
ваются ко всякому разпускаю-
щемуся цвѣтпочку, и цѣль ихъ —
наслажденіе. Тогда увядаетъ
брошенный цвѣтокъ; садовникъ
смотришь на него съ сожалѣ-
ніемъ, и слезы навертываютъ-
ся на глазахъ его. Ахъ! гово-
ришь онъ: какъ жаль, что
этой цвѣтокъ сорванъ рукою
сластолюбца, которой любовал-
ся имъ — и бросилъ!

Донъ Карлосъ, который
имѣлъ благородный характеръ
и ни въ чемъ не подозрѣвалъ
Педро, доставлялъ ему частое
свиданіе съ Целіею; гнусная
спрасъ Педро съ каждымъ

днемъ усиливалась болѣе, и онъ замышлялъ такое злодѣяніе, о которомъ одна мысль приводить въ содроганіе человѣчество.

Карлосъ изхѣдапайспвовалъ у Короля Изогину вольность, и съ неперпѣніемъ ожидалъ дня его возвращенія. Онъ хопѣлъ вдругъ обрадовать Целію, открылъ свое намѣреніе незаконному Педру, и объяснился, что онъ хочетъ соединить Целію съ Изогинѣмъ.

Изогинъ пріѣхалъ, и Педро ожидалъ его на берегу. Онъ топчасъ объявилъ себя его освободителемъ. Доброй Мавръ! сказалъ онъ: я извлекъ тебя изъ нещасія, въ которомъ ты находился. Знаешь ли, что злобной Донъ Карлосъ еспѣ единспвенный виновникъ твоего бѣдспвія? Онъ похищилъ у тебя

Целію; онъ причиною, что тебя послали на галеры — онъ, о жестокой! — Изогинъ! еспыли бы посмопрѣлъ ты, сколь несчастна Целія, ты не могъ бы удержаться отъ слезъ. Послушай, опмспи злодѣю, и освободи свою Целію изъ оковъ варвара; вопъ тебѣ книжалъ — понимаешь меня? Умертви его; я тебя защищу. Данапось, сказавъ сіе, повель Изогина въ домъ Карлоса. Сей хопѣлъ веспи Целію на берегъ, какъ Мавръ со сверкающими глазами встрѣчаетъ его у дверей. Карлосъ бросается къ нему съ опверспыми обьятіями, и обманушый Изогинъ вонзаетъ кинжалъ въ сердце своего благодѣтеля. Что ты дѣлаешь, несчастный! вскричала Целія; ты убиваешь того, которой возвратилъ тебѣ вольность, воз-

вратилъ тебѣ Целію! Донъ Карлосъ другъ твой.

Другъ мой! возкликнулъ Изогинъ: развѣ онъ не сдѣлалъ тебя несчастною? —

Целія. Несчастною? — Онъ мнѣ возвратилъ тебя, онъ тебя выкупилъ.

Тутъ бросился Изогинъ помогать Карлосу, а Целія осыпала поцѣлуями умирающаго Карлоса.

На шумъ прибѣжалъ Донъ Педро. Онъ, стоя за дверьми, радовался Карлосову несчастію, ибо давно уже питалъ къ нему злобу. Надобно непременно взять убійцу, сказалъ онъ. Изогинъ былъ опять посаженъ въ тюрьму, и Педро твердо надѣялся овладѣть Целією. Донъ Карлосъ опнесенъ былъ въ свою комнату, и Мѣдичи спѣшили спасти его.

Человѣкъ, живущій въ обществѣ! каковъ ты? на какія пускаешься ты злодѣянія! Нѣтъ ничего священнаго для тебя въ природѣ, когда захочешь удовлетворить своимъ, произвести въ дѣйство свои планы. Кто убійца, Изогинъ, или Педро? Коварной подъ маскою дружбы управляешь такою душою, которая несклонна къ подозрѣнiямъ; онъ доводитъ невинность до преступленiй, простому дѣлаешь орудіемъ своихъ убійствъ. Изогинъ Мавръ, онъ черенъ, черенъ какъ ночь, и однакожь бѣлъ, какъ лилія, есѣли можно такъ сказать о доброй душѣ. Европейцы! ваша кожа бѣла, но души ваши—очень черны. Худыя навыки и пороки обезобразили васъ и на

многихъ челахъ оставили печать ада.

Сынъ природы ! Изогинъ ! ты любезенъ моему сердцу ; спупай въ объятія тишины ; дай мнѣ почувствовать въ какой нибудь уединенной странѣ, сколь благороднымъ сотворенъ человекъ, и сколь гнуснымъ дѣлають его въ городахъ пороки.

Бѣдная Целія! что съ тобою будетъ? Педро — не Карлосъ; твои слезы не сдѣлають на него никакого впечатлѣнія; онъ не будетъ тебя любить, онъ любить только себя, и ты будешь жертвою его страстей. — Такъ, она была бы добычею его, естъли бы Провидѣніе не пеклось о ней.

Карлосъ пришелъ въ себя и стараніями Лѣкарей выведенъ изъ опасности лишьшья

жизни. Первая мысль его, когда онъ получилъ самомалѣйшее облегченіе, была — Изогинъ и Целія. Будучи еще болѣнъ, велѣлъ онъ нести себя къ Королю, и со слезами разсказалъ ему гнусной поступокъ Педра. Изогинъ получилъ вольность, а Педро съ безчестіемъ изгнанъ отъ Двора. Карлосъ, какъ скоро выздоровѣлъ, оставилъ городъ, жилъ съ Изогиномъ и пекся объ ихъ щаспіи. Будучи безкорыстенъ и благороденъ, не искалъ онъ другой радости, кромѣ той, чѣмъ Изогина и Целію сдѣлать совершенно благополучными. Онъ самъ училъ ихъ Религіи, внушая имъ истинно великія понятія о Богѣ, и умеръ въ объятіяхъ Изогина и Целіи; послѣднія слово его къ друзьямъ были: Мы всѣ люди, мы всѣ братья.

VIII.

МАРІЯ ЕВРЕЯНКА.

Наступили сумерки послѣ одного знойнаго лѣтняго дня, и природа наслаждалась прохлагою Западнаго вѣтра, освѣжающаго упомлennыя поля. Зефиръ пріятно шепталъ въ кустахъ, разпространяя маханіемъ нѣжныхъ крылъ своихъ благоуханія цвѣтовъ. Другъ добрыхъ, нѣжныхъ сердець — кропкая луна съ пріятностію всюду проспирала меланхолической свѣтъ свой, а соловей торжествовалъ бышіе свое усладишельными пѣснями.

Авраамъ Виндишъ, честной Еврей, сидя въ своей садовой бесѣдкѣ, вкушалъ удовольствія прохлаждающаго вечера.

Съ нимъ была Марія, дочь его; рука ея обвилась около согбенной шеи старца, и слеза оросила серебряные его волосы, кои сіяли какъ снѣгъ при луиномъ свѣтѣ.

Спарикъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на дочь свою, и какія-то предчувствованія томили его душу. Онъ вздыхалъ и часто обращалъ взоръ къ небу. Не вздыхайте, любезный бапюшка! сказала Марія: вы разрываете мое сердце; что съ вами сдѣлалось, что вы поднимаете глаза къ небу? Сердце ваше бьется! — Позвольте, бапюшка, поцѣлуемъ оперешь слезу, которая капится по щекѣ вашей!

О Марія! отвѣчалъ Виндишъ: я спаръ и чувствую ослабленіе силъ моихъ; скоро заплачу неизбѣжную дань чело-

вѣчества, скоро Авраама не спанетъ. Я не спашусь той минушы, копорая опзоветъ меня къ моему Опцу, ибо я всегда жилъ въ страхѣ Божіемъ; но оставишь тебя, милая Марія, тебя, копорая услаждала мою спарость — вопъ что тяжело мнѣ!

Марія. Любезный башюшка! Богъ долго еще будетъ хранишь васъ для вашей Маріи.

Авраамъ. Да будетъ воля Его святая! Но еспълибы люди не были такъ злы, то я менѣе беспокоился бы о тебѣ. Ты молода, прекрасна, почему и подвержена тысячѣ опасностей. Красота и молодость суть опасные враги двушекъ. Много видалъ я прелестныхъ, невинныхъ швореній, копорыя цвѣли, какъ нѣжныя розы; приходилъ какой нибудь плу-

Часть III. Ж

пишка , срывалъ со стебля розу , и прежде времени ощипывалъ у нея листья.

Марія. Небо будетъ мнѣ покровишелемъ. Вы знаете , батюшка , что сердце мое не изпорчено ; я всегда слѣдовала вашимъ правиламъ.

Авраамъ. Конечно не изпорчено ; сердце твое нѣжно , Марія ! и это - то самое меня тревожитъ. Всякое доброе сердце имѣетъ свои слабости: доброе сердце легко можно обмануть ; доброе сердце любитъ себя обманывать ; — только слѣдствія сего обмана всегда бывають плачевны. О Марія ! старость и опытность научають насъ многому на свѣтѣ. Есть такія обстоятельства , въ которыхъ нужна человѣку душа твердая ; роза не можетъ снести суровой погоды.

Марія. Дрожайшій родитель! Богъ, Который печется обо всѣхъ насъ, свидѣтель тому, что я клянусь быть вѣрно вашимъ наставленіямъ, какія вы давали мнѣ съ самаго дѣтства, со страхомъ и любовью буду исполнять заповѣди Того, Кому вы научили меня поклоняться.

Авраамъ. Милая дочь! Отецъ всѣхъ человѣковъ награждаетъ твое послушаніе, твоею любовью! —

Марія была рѣдкая дѣвушка: невинна какъ голубица и крошка какъ агнецъ. Невинность возвышала красоту ея, а простота естественная придавала благородство ея прелестьямъ. Глаза ея были прекрасны, какъ глаза молодого жаворонка, въ первой разъ поднимающагося къ небу и возсыла-

ющаго пѣснь свою къ Божеству,
а плѣнительная наружность ея
подобилась такому цвѣтку,
которой выросъ подъ особен-
нымъ надзираніемъ садовника.

Маріи минуло пятнадцать
лѣтъ, какъ Гайюмъ Гавріиль
спалъ искашь руки ея. Гаврі-
иль былъ доброй молодой чело-
вѣкъ; его всѣ любили, ибо онъ
былъ услужливъ и честенъ. Онъ
давно уже понравился Маріи,
и она часто говорила отцу сво-
ему: естълибъ мнѣ позволили
выбрать себѣ мужа, то я вы-
брала бы Гавріила.

Оба спои́ли другъ друга,
и Марія скоро сдѣлалась су-
пругою Гавріила. Авраамъ до-
жилъ до самыхъ радостныхъ
дней глубокой старости, и
умеръ спокойно въ объятіяхъ
дочери, давъ ей благословеніе.

Около чешырехъ лѣтъ жилъ Гавріилъ въ щастіи и довольствѣ съ своею Маріею, какъ на пятой годъ послѣ его женичьбы вошелъ съ Господиномъ фонъ Нелькенпалемъ въ торговое дѣло, которое и было причиною Гавріилова нещастія.

Нелькенпаль былъ богатой сластолубецъ, который не зналъ ни Религіи, ни правды; который ни къ чему въ напурѣ не былъ привязанъ, какъ только къ спрашьямъ своимъ; всѣ его занятія состояли въ томъ, чѣмъ бы ничего не дѣлать. Женщины и каршежная игра были его забавами; съ первыми поступалъ онъ подло, во второй обманчиво. Когда случалось ему увидѣть прекрасную дѣвушку, или женщину, то волочился за ними, пускался на

все, чтобы достигнуть своей
цѣли; ничто не могло устра-
шить его, ибо онъ не имѣлъ
ни благородныхъ побужденій,
ни тонкихъ чувствованій. Под-
данные, надъ которыми судь-
ба опредѣлила ему властвовать,
были крайне несчастливы; ибо
тогда только ѣздилъ онъ въ
свои помѣстья, когда имѣлъ
нужду въ деньгахъ. Съ упра-
вишелемъ своимъ онъ такъ
умѣлъ припѣснять своихъ под-
данныхъ, что кровь текла изъ
нихъ вмѣстѣ съ деньгами.

Нелькенпаль давно уже
замѣтилъ красоту Маріи, и не
спалъ нѣсколько ночей, выду-
мывая средства овладѣть ею.

Баронъ Люфтингъ былъ
одинъ изъ короткихъ его дру-
зей, участникъ его распущенъ,
достойный пошворникъ его по-
рочныхъ желаній.

Люфтигъ! сказалъ однажды Нелькенталь: знаешь ли ты прекрасную Жидовку?

Люфтигъ. Знаю ли? Найди мнѣ въ городѣ хотя одну прекрасную дѣвушку, или женщину, кторой бы я не зналъ.

Нелькенталь. Какова она тебѣ кажется?

Люфтигъ. Безподобною.

Нелькенталь. Не лзя ли какъ нибудь попытаться?

Люфтигъ. О! это не такъ легко.

Нелькенталь. Развѣ мужъ ея ревнивъ?

Люфтигъ. Напурально — спращной ревнивецъ въ семь пунктъ.

Нелькенталь. Уже ли онъ не любитъ шупокъ?

Люфтигъ. Ни мало. Должно бытъ шущливѣе черта,

естьли кто хочетъ подцѣпить
его жену.

Нелькенталь. Любитъ ли
онъ деньги?

Люфтигъ. Кто не любитъ
денегъ.

Нелькенталь. Bravo, другъ
мой! я хочу апаковать эту
красотку.

Люфтигъ. Только не слиш-
комъ горячо — попихоньку,
полегоньку. Въ подобныхъ слу-
чаяхъ надобно знать слабую
спорону не одного мужа, но и
жены, и пѣмъ будетъ лучше,
естьли однимъ выстрѣломъ по-
падешь въ обоихъ.

Нелькенталь. О безцѣнной
человѣкъ! Баронъ! я щедрою
рукою возблагодарю тебя, толь-
ко помоги мнѣ.

Люфтигъ. Прежде всего
должно тебѣ съ Жидомъ хоро-
шенько познакомиться; правда.

это легко: торгъ доставить къ тому случай. Потомъ спарайся узнать характеръ его жены; это потруднѣе. Коропко сказать, естѣли дасть мнѣ сто луидоровъ, то голубка будетъ твоя. Бьюсь о закладъ, что проведу этаго Жида — я знаю тайну.

Нелькенталь. Хорошо! вотъ тебѣ сто луидоровъ. Только скажи тайну.

Люфтигъ. Изволь, брашъ! Это было бы непроспипельно, естѣли бы я скрывалъ какуюнибудь тайну отъ коропкаго друга. И такъ слушай. Мнѣ давно уже извѣстенъ характеръ этой Жидовки. Я зналъ ее еще дѣвкой, и часто хаживалъ въ домъ къ ея опцу, которой нѣсколько разъ — это должно сказать къ его чеспи — весь-

ма охотно помогалъ мнѣ въ
нуждахъ.

Нелькенталь. Помогалъ въ
нуждахъ? И такъ ты посовѣс-
тишься дочь его. . . .

Люфтигъ. Обольстишь? —
Ни мало. Дитя умерло, такъ
и кумовство кончилось; а при-
томъ это будетъ служишь къ
чести покойнаго Авраама, ко-
гда мы спанемъ сполько уго-
ждашь его дочери.

Нелькенталь. Говори, не
шутя.

Люфтигъ. Хорошо! — Она
въ дѣвкахъ была превеликая
мечтапельница. Съ деньгами
немного сдѣлаешь, они бога-
ты; должно съ другой спо-
роны начать атаку. Каково
это будетъ, еспѣли я подъ
честнымъ предлогомъ войду въ
домъ Гавріила, воспользуюсь меч-
тапельностію жены его, и мало

помалу доведу ее до того, что она переменитъ Религію? Это будетъ прекрасное дѣло! Тогда, Нелькенпаль, она непременно попадется въ твои руки. Будучи отвержена своими, лишена имѣнія, она будетъ скитаться нищею; тогда можно будетъ изъ жалости войти въ ея состояніе; нужда заставитъ ее быть у тебя въ зависимости; прочее разумеется само собою, а свѣтъ тебя наградитъ еще названіемъ великодушнаго. Ха! ха! ха! — какое это выдуманно!

Здѣсь обнялись гнуснѣйшіе злодѣи, для которыхъ нѣтъ въ природѣ ничего священнаго, и Люфшигъ приступилъ къ произведенію въ дѣйство своего плана.

Превѣчный, Котораго единое дуновеніе могло бы изпре-

бишь такихъ червей, часто попускаешь исполняться злодѣйскимъ ихъ умысламъ — или для того, чѣмъ испытываешь добродѣтельныхъ, или показъ силу Своихъ милостей твоимъ, которыхъ любишь.

Гавріилу случилась поѣздка, и въ его отсутствіе гнусѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ прокрался къ его супругѣ. Подъ личиною лицемѣрія онъ сколько успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, что Марія вазымѣла къ нему совершенную довѣренность. Доброе сердце ея не видѣло никакого обмана, и онъ убѣдилъ ее оставить Еврейскую вѣру. Назначенъ былъ день, и простосердечная Марія послѣдовала за своимъ оболъстпителемъ. Онъ взялъ ее въ Нелькеншалева замокъ, и велѣлъ Священнику наставлятъ въ Христіанской

Религіи, чшобы въ глазахъ народа не подашь подозрѣнія, что обольспилъ ее.

Марія была окрещена, и всѣ удивлялись великодушію Нелькеншала, кошорой шоль благороднымъ образомъ спарался о Жидовкѣ. Но чудовище скоро опкрыло прекрасной Маріи свои замыслы. Марія не могла понять великоспи тако-го злодѣянія; но когда увидѣла злодѣевъ, снявшихъ съ себя личины; когда изверги представили ей бѣдное ея состояніе и угрожали подвергнушь совершенной нищетѣ: то, поднявъ глаза къ небу, такъ начала жаловаться Богу:

„Всеблагій Создатель! изъ одинаго угожденія Тебѣ, и чшобы жишь по святому Тво-

Часть III.

3

ему закону, я оставила вѣру
 опцевъ своихъ, оставила все,
 что ни имѣла драгоцѣннаго на
 свѣтѣ — имѣніе, мужа и дѣ-
 тей. Мое намѣреніе было чи-
 сто, Ты знаешь мое сердце;
 одному Тебѣ я хощѣла принад-
 лежать. Не безчеловѣчно ли
 это, что соврашили меня съ
 пущи добродѣтели, воспользо-
 вались моею слабостію, сдѣла-
 ли меня бѣдною и несчаст-
 ною? — — Тебѣ, Всесильный,
 Который бодрствуешь надъ
 всею тварію! Тебѣ жалуюсь на
 это. Я не ропщу на Твои
 предопредѣленія. Ты будешь
 моимъ избавителемъ; Ты зришь
 съ Престола Своего слезы не-
 винности!“

Такъ говорила Марія; ру-
 чьи слезъ текли изъ глазъ ея;
 она упала и, простершись по

землѣ, орошала цвѣты своими слезами. Тщепны были усилія Нелькеншала; она, оттолкнувъ его отъ себя, бросила на него взоръ, исполненный презрѣнія, которой заспавилъ его почувствовать всю его подлость. Бѣги, негодный! вскричала она: бѣги отъ лица человѣческаго! сокройся въ пещерахъ, гдѣ обитають ядовитыя змѣи и жабы: тамъ и онѣ будутъ гнушаться твоимъ присутствіемъ! — Извергъ Природы! и ты думаешь, что бѣдность поколеблешь мою добродѣтель? Нѣтъ, ты не знаешь меня. Увѣренность была въ моемъ сердцѣ, а не легкомысліе, когда я оставила свою религію. Свято ученіе вашей Вѣры; оно подаспъ мнѣ утѣшеніе въ моихъ бѣдспвіяхъ.

О Гавріиль! что подумаешь ты о своей Маріи! Она

никогда тебя не оскорбляла, а теперь въ глазахъ твоихъ покажется преступницею — вопшъ что дѣлаешь меня несчастною! Такъ вопіяла Марія, и вышла нищею изъ Нелькенталева замка; она питалась молокомъ и хлѣбомъ, которыя подавали ей добрые люди.

Между тѣмъ, какъ Марія была жертвою человѣческой злобы и нищизны, дѣла Гавріиловы шли очень успѣшно. Съ неперпѣніемъ ожидалъ онъ того радостнаго дня, которой долженствоваль возвращить его въ обьявія супруги. Наконецъ, исполненный сладостныхъ надеждъ, спѣшилъ онъ къ своему семейству; но сколь неожиданна была его участь, когда онъ, пріѣхавъ домой, не видалъ своей Маріи! Съ блѣд-

ными лицами ходили всѣ въ домъ, и никто изъ его слугъ не смѣлъ поднять на него взора. Друзья Гавріиловы плакали, а непріятели улыбались. Что все это значитъ? сказалъ Гавріиль: гдѣ моя жена? Она ушла, сказали ему: оставила свою вѣру, и бросилась въ объятія одного вѣтренника, который старался оболъспить ее. — Это ложь, сказалъ Гавріиль: Марія не способна къ такому поступку. Еслили она оставила свою вѣру, то конечно важныя причины побудили ее сдѣлать сей шагъ; но до подлости она никогда не доходила. Знаю ее сердце; я мужъ ея, а не тиранъ ея совѣсти. Еслили Марія щастливѣе въ той Религіи, которую приняла, то конечно имѣетъ неограниченную свободу; она всег-

да останешся моею супругою. Споть высоко, споть благородно думалъ Гавріиль! Хопя рошпала на него за то цѣлая половина Синагоги; но онъ, будучи свободенъ отъ предразсудковъ, презиралъ насмѣшки дураковъ и отправился искашь свою Марію.

Послѣ долгихъ безплодныхъ стараній Гавріиль уже отчаялся найши Марію. Исполненный горести, сѣлъ онъ однажды подъ деревомъ и плакалъ горькими слезами. Для чего ты меня оставила? такъ говорилъ онъ, рыдая: Марія! уже ли такъ мало знала ты своего мужа? уже ли думаешь, что я до того омраченъ предразсудками, что стану ненавидѣть тебя за такой поступокъ, въ которомъ виною было доброе твое сердце? Ты всегда любила Бога,

любила людей, и я долженъ ненавидѣть тебя за то, что ты хотѣла въ принятой тобою Религіи болѣе угодить своему Богу, лучше служишь Ему! — Какой стыдъ! сколь безчеловѣченъ такой предразсудокъ! Пусть Раввинъ возпламеняетъ въ душѣ моей ненависть къ другимъ Религіямъ, но я стану внимать голосу моего сердца, такому голосу, который гораздо священнѣе, и который говоритъ мнѣ, что не должно ненавидѣть людей за ихъ Вѣру: такъ говорилъ Гавріиль, и чувствовалъ опъ такихъ мыслей какое-то облегченіе въ своемъ сердцѣ!

Цѣлыя шесть лѣтъ провелъ Гавріиль въ безплодномъ исканіи своей супруги, однакожь все еще питался нѣкто-

рою надеждою найти ее, и по-
тому не ослабѣвалъ въ своемъ
мужествѣ.

Тогда былъ осенній вечеръ,
когда Гавріиль, утомясь опъ
дороги, разположился на одномъ
холмѣ, и обозрѣвалъ прекрас-
ную спрану, которая лежала
передъ его глазами. Между про-
чимъ со вниманіемъ смотрѣлъ
онъ на одного крестьянина,
которой работалъ на своемъ
полѣ и былъ очень веселъ. Земле-
дѣлецъ пѣлъ, дѣлалъ прели,
и видѣ его возвѣщалъ спокой-
ствіе души. Любопытство под-
спрекнуло Гавріила познako-
миться съ симъ человекомъ.
Онъ вспалъ, подошелъ ближе
и началъ съ нимъ говорить.

Гавріиль. Ты кажешься такъ
веселъ, доброй старикъ?

Крестьянинъ. О, конечно;
можешь быть никакъ не
веселъ и не доволенъ, какъ я.

Гавріилъ. Чпожъ дѣлаешъ
тебя споль веселымъ ?

Крестьянинъ. Божіе благо-
словеніе и мое сердце. Нѣсколь-
ко лѣтъ тому назадъ принялъ
я къ себѣ одну бѣдную прекра-
сную Жидувку, и съ тѣхъ поръ
во всемъ бываешъ у меня уро-
жай. Марія имѣешъ такую доб-
рую душу, какихъ немного на
свѣтѣ.

Гавріилъ. Марія ? что ты
говоришь ? Марія у тебя ? —
Не можно ли поговорить съ
нею ?

Крестьянинъ. По чемужъ
не можно ? Естѣли ты знаешъ
ее, то пойдемъ со мною. Нѣтъ
нужды, что поздно ; естѣли
можешъ бытъ доволенъ моею
хижиною и худымъ ужиномъ,
то дамъ тебѣ ночлегъ.

Гавріиль пошелъ съ крестъ-
 лникомъ и нашелъ въ его хи-
 жинѣ свою добрую Марію. Кто
 можетъ описатьъ радость, ка-
 кую чувствовалъ честной Еврей?
 Сначала одни объятія и слезы
 были изъясненіемъ любящихся.
 У меня опять есть супруга!
 воскликнулъ Гавріиль; у меня
 опять есть супругъ! восклик-
 нула Марія, и обнялись такъ
 крѣпко, какъ будто увидѣлись
 по ту сторону гроба.

И такъ я нашелъ тебя,
 единственный другъ души мо-
 ей! сказалъ Гавріиль! О Марія!
 сколько слезъ ты мнѣ спо-
 ила! — Но какъ ты похудѣ-
 ла отъ печали! розы увядаютъ
 на щекахъ твоихъ, и цвѣтъ
 юности слѣтѣлъ съ твоего че-
 ла, подобно цвѣту древесному,
 когда падаетъ на него иней.

Но ты жива еще, ты моя, ты все еще благородна и добродѣтельна; я чишаю въ твоихъ глазахъ, въ твоихъ невинныхъ взорахъ, что, ты та же Марія, жоня и могла оставишь своего супруга. — Оставишь? отвѣчала Марія: нѣтъ! ты обманываешься, любимецъ души моей! Никогда мое сердце не удалялось отъ тебя; никогда я не могла забыть своего супруга. Такъ говорила Марія, и всхлипыванія прерывали слова ея. Она положила голову на плече Гавріилово, и сердце ея сильно билось у его груди. — Мы спанемъ опять жить вмѣстѣ, началъ Гавріиль послѣ нѣсколькихъ минушъ молчанія: и то, что произошло между нами, не должно разлучать нашихъ сердецъ. Ты Христіанка, а я Жидъ; ты живи по своимъ

правиламъ , по своему закону ,
я спану жить по моему, — и
Богъ будетъ милосердъ къ намъ.

Гавріилъ , щедро одаривъ
креспьянина , у копорого жи-
ла Марія , повезъ свою супругу
въ пошъ городъ , гдѣ имѣлъ
жилище. Но какъ скоро шуда
пріѣхалъ , то позванъ былъ
Раввиномъ , которой объявилъ
ему , что онъ не можетъ жить
съ окрещенною Марією. Гав-
ріилъ былъ крайне пораженъ
симъ ; онъ просилъ на нѣсколь-
ко дней отсрочки , и когда на
пятый день собрались въ Сина-
гогу Священники и Ученые , то
Гавріилъ предсталъ предъ
нихъ и вошъ что говорилъ
имъ :

„О вы , избранные наро-
домъ , и ты , Священникъ Бо-

жій! склони́те слухъ вашъ къ послѣднему изъ вашего общества, и позволѣ́те говори́ть Гаврі́илу!“

Священникъ далъ ему знакъ благосклоннымъ взоромъ, и Гаврі́иль продолжалъ:

„Марія́ моя супруга и ма́ть дѣ́тей моихъ. Природа и челове́чество призываю́тъ васъ защища́ть сію несчастную; ибо изъ объятій мужа хопя́тъ изшоргну́тъ любезную супругу, а у дѣ́тей похи́щя́тъ чадолюбивую ма́ть. Тебѣ́, великій служитель́ Божій, жа́луюсь на несправедливос́ть тѣ́хъ людей, ко́торыя за́клялись погуби́ть честна́го челове́ка; тебѣ́, ко́ему всеблагій Созда́тель далъ вла́сть суди́ть Израилья́нъ, разбира́ть правду и неправду,

Ча́сть III.

И

тебѣ жалуюсь на то, что у
меня опшняли Марію.

„Марія Хриспіанка, но не
переспала бытъ моею супру-
гою. Когда она приняла ша-
кую Вѣру, въ которой надѣя-
лась угодити болѣе своему Бо-
гу, то долженъ ли я пере-
спать любить ее? — Марія
все еще супруга Гавріилу, все
еще мать моимъ дѣтямъ; ея
совѣсть не есть предметъ вла-
сти мужней. Свободно должна
она мыслишь и поступать,
если она вѣрная супруга и
нѣжная мать. Объявляю вамъ,
что никогда ее не оставлю.
Она спанетъ молишься въ Хри-
стіанской церквѣ, а я въ Си-
нагогѣ. Превѣчный не смотритъ
на зданія. Всѣ мечети и Си-
нагоги заключаются въ вели-
кихъ сѣнахъ великаго храма.

природы, въ копорой Боже-
ство едино.“

Раввинъ изумился Гавріило-
вой дерзоспи; его сочли вольно-
думцемъ и выгнали съ презрѣ-
ніемъ изъ храма. Гавріиль,
взявъ свое имущество, уѣхалъ
съ нимъ въ дальнюю страну,
гдѣ думалъ найти людей луч-
шихъ.

Гавріиль и Марія жили нѣ-
сколько лѣтъ въ маленькомъ
городкѣ. Будучи ни кѣмъ не
знаемы, они были щасливы,
и всѣ ихъ желанія ограничива-
лись только ими и дѣтьми
ихъ. Но бдительная Полиція
открыла сихъ людей и позва-
ла въ судъ. Гавріиль явился
съ видомъ такого человека,
копорой не знаетъ за собою
никакого худого дѣла. Говоря

съ сердечнымъ жаромъ , онъ
 разсказалъ Судьѣ о всѣхъ сво-
 ихъ несчастіяхъ. Жидаы конечно
 поступили худо , сказалъ
 Бургомиспръ , что гнали Ма-
 рію Христіанку; но послушай,
 Гавріиль ! тебѣ должно сдѣ-
 латься Христіаниномъ , или
 оставить Марію.

Мнѣ должно сдѣлаться
 Христіаниномъ ! отвѣчалъ Га-
 вріиль : — что это значишь ?
 Буду ли я оправданъ предъ Бо-
 гомъ , когда для одного эшаго
 обещаньяспіва оставлю ре-
 лигію опцовъ своихъ ? Я люб-
 лю всякаго человѣка , какой бы
 ни былъ онъ вѣры ; Марія Хри-
 стіанка мнѣ также любезна ,
 какъ и прежде , когда была Жи-
 довкою : и такъ пребую опъ
 людей равнаго соопвѣтствова-
 нія. Когда буду имѣть болѣе

времени узнатьъ ваши обряды, когда получу увѣренность въ сердцѣ, тогда добровольно сдѣлаюсь Христіаниномъ; но изъ легкомыслія, опъ обстоятельство, или изъ страха оставишь Вѣру — было бы постыдно.

Дѣлай, что хочешь, сказалъ Бургомистръ, но Марію въ сію же минуту у тебя опнимутъ; она Христіанка, и пошому не можетъ жить съ тобою.

Тщепны были всѣ представленія, которыя дѣлалъ Гавріиль; тщепны были слезы, которыя лились ручьями по щекамъ его. Онъ съ горестію обратился къ своей Маріи, обнялъ ее и плакалъ неуспѣшно на груди ея. Любезная супру-

га! сказалъ онъ наконецъ: Ев-
реи тебя преслѣдовали и хо-
тѣли Марію разлучить съ Га-
вріиломъ; Христіане преслѣ-
дуютъ меня и хотятъ разлу-
чить Гавріила съ Маріею: что
мнѣ дѣлать, Марія? Перемѣ-
нить изъ полишки свою вѣру,
по наружности сдѣлаться Хри-
стіаниномъ, а въ сердцѣ быть
Евреемъ? — нѣтъ! не могу рѣ-
шиться на это. Боже! Ты ви-
дишь мое сердце; если за-
блуждаюсь, просвѣти меня свѣ-
томъ истины, — сердце мое
спасаетъ также обожаетъ Тебя
въ храмѣ Христовомъ, какъ и
въ Синагогѣ! Гавріиль обнялъ
свою любезную, и руки его
такъ крѣпко обвились около ея
шеи, что, казалось, ничто не
могло разлучить ихъ. Утѣшъ-
ся, Гавріиль! сказала Марія: я
всюду за тобою послѣдую. Лю-

ди никогда не разлучашъ насъ,
а Богъ этого не сдѣлаешъ. Во
всю жизнь буду Христіанкою,
и никогда не забуду обязанно-
стей супруги.

Въ это время вошелъ въ
комнату Приспавъ, и объявилъ
имъ приказаніе немедленно уда-
лился изъ города, взявъ у
нихъ напередъ, подъ предло-
гомъ правосудія, самую луч-
шую часть ихъ имуществъ.

Марія и Гавріиль скипца-
лись изъ города въ городъ, изъ
деревни въ деревню, и нигдѣ
не находили покровительства,
нигдѣ не находили помощи.
Жиды гнали Марію, а Христі-
ане Гавріила. Наконецъ, ли-
шась всего имѣнія, изнемогши
подъ бременемъ горести, въ бо-
лѣзни и нищестѣ лежали они

при концѣ своей жизни въ ху-
домъ шалашѣ, которой ни отъ
дожда, ни отъ вѣтра не за-
щищалъ своихъ жителей. Дѣ-
ти ихъ, раздѣлая съ ними бѣд-
ность, глодали корки сухаго
чернаго хлѣба, смоченнаго сле-
зами родителей. Въ такомъ
жалоспномъ состояніи нашелъ
сихъ несчастныхъ одинъ проѣз-
жавшій Священникъ. Онъ по-
дошелъ къ нимъ, выслушалъ
ихъ исторію, и удалился, ска-
завъ: Богъ конечно не безъ при-
чины наказываетъ ихъ! Спу-
стя попомъ нѣсколько времени,
пріѣхалъ въ сіе мѣсто одинъ
Дворянинъ; онъ заблудился на
охотѣ и встрѣтился съ сими
несчастными. Чувствитель-
ность и сожалѣніе пробудились
въ его сердцѣ; эпомъ чело-
вѣкъ всегда любилъ дѣлать до-
бро. Онъ утѣшалъ несчаст-

ныхъ, взялъ ихъ съ дѣшми въ свой замокъ и некса о нихъ, какъ о своихъ друзьяхъ.

Гавріиль чувствительно пораженъ былъ шаковымъ благороднымъ поступкомъ. — Умирающимъ голосомъ спросилъ онъ у своего благодѣшеля: Что научило его быть столь благороднымъ и человѣколюбивымъ? — Религія, отвѣчалъ Дворянинъ: ибо Христось повелѣлъ служишь всякому человѣку. — Гавріиль заплакалъ, обнялъ свою Марію и позволилъ окрестить себя въ послѣдній день своей жизни.

Онъ умеръ, поручивъ своему другу человѣчества своихъ дѣшей и свою Марію. Дворянинъ похоронилъ его съ пышною церемоніею, воздвигнулъ

надъ тѣломъ его прекрасной
памятникъ, и велѣлъ высѣчь
на камнѣ приличную надпись.

Марія выздоровѣла. Не лѣзя
описать того почтенія, съ ка-
кимъ обходился съ нею Дворя-
нинъ. День ото дня Марія
становилась любезнѣе сему че-
ловѣку, и онъ, предложивъ ей
свою руку, обѣщалъ усыновить
Гавріиловыхъ дѣтей.

Марія, согласясь на его
желаніе, сдѣлалась супругою
Лиліенберга, и долгое время жи-
ла съ нимъ щасливо. Иногда
по вечерамъ, когда луна по-
являлась на небѣ, посѣщали они
могилу Гавріилову, и Лиліен-
бергъ проливалъ нѣсколько слезъ
надъ прахомъ сего благородна-
го человѣка.

Богъ наградилъ и добро-
душнаго Лиліенберга; ибо благо-
словеніе Небесъ было въ домъ
его.

Маріины дѣти были хоро-
шо воспитываемы и съ самага
дѣтства научены любить вся-
каго человѣка, и ни къ кому не
питали ненависти за Религію.

Лиліенбергъ, переживъ свою
Марію, умеръ въ глубокой ста-
рости; въ обѣщаніяхъ спарша-
го изъ Маріиныхъ сыновей,
человѣка съ рѣдкими достоин-
ствами.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

198

händer
Kunst
Kunst
21. Oktober

Eckartshausen, Carl <<von>>,

Terpimost' i čelověkoljubie [izobražennyja v trogatel'nych pověstjach]

Bd.: 3

Moskva 1817

P.o.germ. 2097 c-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10130177-8